

Н.Н. Скатов

Любовная лирика Некрасова

Было бы неверно в ряду гражданских стихов рассматривать любовную лирику Некрасова только как дань, которую поэт отдал традиционной «вечной» теме. И здесь в полной мере проявилось его художественное новаторство.

«Когда из мрака заблужденья... Давно отвергнутый тобою... Я посетил твоё кладбище... Ах, ты, страсть роковая, бесплодная... и т. п. буквально заставляют меня рыдать...», — писал Некрасову Чернышевский.

Своеобразие лирики поэта заключается в том, что в ней словно бы разрушается лирическая замкнутость, преодолевается лирический эгоцентризм.

Совершенно новые отношения устанавливались в стихах Некрасова между миром лирического героя и женщиной: в конечном счете здесь заявляли себя новые демократические социальные и моральные тенденции, сформулированные в публицистике М. Михайловым:

«Сомнения в непогрешительности веками утвержденных неравных семейных отношений, неравных общественных прав мужчины и женщины и первые шаги общества к женской эмансипации кажутся мне одним из самых важных, самых характеристических явлений нашего века»

И любовные стихи Некрасова не замкнуты на герое, но открыты для героини. Она входит в стихотворение со всем богатством и сложностью своего внутреннего мира. Некрасов шел новым и непростым путем. Так появляется в его поэзии «проза любви». Эта область противоречивых чувств и отношений потребовала новых форм для своего выражения. В поэзии Некрасова создается нечто вроде психологического лирического романа, который образует группа стихов так называемого «панаевского цикла». Стихи цикла имеют определенную автобиографическую основу (не сводясь, естественно, к ней) — длительный, подчас мучительный роман Некрасова и А. Панаевой, которая стала его гражданской женой.

Было бы неверно рассматривать «прозу любви» некрасовских стихотворений только как сферу ссор и дразг. Некрасов вступал здесь в бесконечно более психологически сложную и высокую область постижения человеческой природы, чем та, что была доступна «натуральной школе» и ему самому в начале сороковых годов («Чиновник», «Говорун» и др.) и которая исчерпывалась, собственно, «социальной психологией», обуславливалась и объяснялась непосредственно бытом, средой.

Поэт постигал природу уже совсем не в духе «натуральной школы», а скорее в духе Достоевского. В этом смысле любовный цикл «панаевских» стихов был важен для будущей работы Некрасова над характерами и в лирике, и в поэмах. Сама социальность и корректировалась и приобретала в 1850–60-е годы углубленный смысл.

В лирическом цикле не просто создается характер героини, что само по себе ново, но создается новый характер — в развитии, в разных, неожиданных даже его проявлениях, самоотверженный и жестокий, любящий и ревнивый. «Я не люблю иронии твоей...» — уже в одной этой первой фразе вступления есть и характеры двух людей и бесконечная сложность их отношений. Блок воспользуется началом этого стихотворения как эпиграфом к своей драматической статье «Ирония». Вообще же некрасовские вступления — это продолжение вновь и вновь возникающих спора, ссоры, диалога: «Я не люблю иронии твоей...», «Да, наша жизнь текла мятежно...», «Так это шутка? Милая моя...».

Обратим внимание и на многоточия. Ими заканчиваются почти все произведения некрасовской интимной лирики. Это указание на фрагментарность, на неисчерпанность ситуации, на иерархичность ее, своеобразное «продолжение следует».

Целый ряд сквозных примет объединяет стихи в единства: такова доминанта мятежности. «Если, мучимый страстью мятежной...» переходит в «Да, наша жизнь текла мятежно...». Вступления «Тяжелый год — сломил меня недуг» и «Тяжелый крест достался ей на долю» тоже сводят стихи к некоему единству. Устойчивость сообщают и постоянные эпитеты: «роковой» — один из самых любимых. «Прости» соотносимо с «Прощанием».

Все эти стихи следуют как бы взаимно корректирующими парами, которые поддерживают «сюжет» лирического романа. Мотив писем («Письма») углубляет перспективу, расширяет «роман» во времени. А какой высокий взлет человечности заключает в себе драматический диалог стихотворения «Тяжелый крест достался ей на долю»!

Еще Чернышевский называл это стихотворение лучшим лирическим произведением на русском языке. Стихотворение это — одно из самых трагичных у Некрасова, стихотворение высокого строя, который определен прежде всего удивительным единством основного образа, осеняющего все произведение.

«Тяжелый крест достался ей на долю...» Здесь, в первой строке, это еще только отвлеченное обозначение тягот, едва обновленный житейский оборот («нести крест»). Но он в таком качестве не остается, находит продолжение, на наших глазах материализуется, получает, так сказать, поддержку в наглядности, развиваясь в мрачном рефрене, повторенном в четырех подряд строфах: «близка моя могила... близка моя могила... холодный мрак могилы... близка моя могила...». Слова последней строфы: «Как статуя прекрасна и бледна, она молчит» — располагаются в ряду тех же ассоциаций. То, что началось почти бытовым разговорным оборотом, завершилось скульптурным образом, памятником героине и ее страданию. Сколь глубоки в своей неразрешимости конфликт героев и признание правоты каждого из них! А каким гармоническим, подлинно пушкинским аккордом заканчивается вся эта история нелегкой, проходившей в борениях любви — стихотворением «Прости»!

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!